

Политическая лингвистика. 2023. № 3 (99).
Political Linguistics. 2023. No 3 (99).

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Анатолий Прокопьевич Чудинов¹, Наталья Александровна Сегал²

¹ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, ap_chudinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5436-5273>

² Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия, natasha-segal@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8213-5050>

Метафорический образ жандарма как зеркало социополитических изменений (на материале медиатекстов)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена комплексному изучению метафорического образа жандарма в русскоязычном медиапространстве. Моделируется диахронический рисунок языковой единицы «жандарм» с опорой на лексикографические источники и медиатексты разных исторических эпох (1917–1922 гг. и 2017–2022 гг.). Доказывается несоответствие денотативного содержания исследуемого слова и его текстовой реализации. Устанавливается связь метафорического образа жандарма с социополитическими изменениями, происходящими в государстве. Так, в лексикографических источниках XIX языковая единица **жандарм** не имеет коннотативных признаков и определяется прежде всего как «конный воин полиции», «функционер политической полиции». Именно отношение **жандармов** к политической полиции, а значит близость к царской власти, приводит к созданию резко негативного образа **жандарма** после Октябрьской революции 1917 года: в корпусе газетных текстов вековой давности формируется образ предателя, противопоставленного народу, жестокой и беспринципной личности, не заслуживающей уважения и доверия. Характеризуются словообразовательные возможности слова «жандарм», выявляется специфика реализации в медиатекстах образованных от него окказиональных единиц. Описываются сочетаемостные возможности языковой единицы при ее реализации в текстах СМИ. Определяется зависимость исследуемого слова от контекста. Широкий словообразовательный потенциал и сочетаемостные возможности при реализации рассмотренной языковой единицы говорят о ее значимом месте не только в медиапространстве, но и в языковом сознании носителей русской лингвокультуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафорические образы, языковые единицы, окказионализмы, жандармы, русский язык, политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, медиадискурс, медиатексты, СМИ, средства массовой информации, язык СМИ, языковые средства, политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, когнитивная лингвистика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; email: ap_chudinov@mail.ru.

Сегал Наталья Александровна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Вернадского, 4; email: natasha-segal@mail.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 22-28-00064 «Теория и методика метафорического моделирования образа полиции в электронных СМИ России, Украины и Белорусии: аксиология, эволюция, ситуационная динамика, прагматика».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чудинов, А. П. Метафорический образ жандарма как зеркало социополитических изменений (на материале медиатекстов) / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 3 (99). — С. 23-30.

Anatoliy P. Chudinov¹, Natal'ya A. Segal²

¹ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, ap_chudinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5436-5273>

² V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, natasha-segal@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8213-5050>

The Metaphorical Image of Gendarme as a Mirror of Sociopolitical Change (Based on Media Texts)

ABSTRACT. The article is based on a comprehensive study of the metaphorical image of gendarme in the Russian-language media space. The diachronic pattern of the language unit “gendarme” is modeled based on lexicographic sources and media texts of different historical epochs (1917-1922 and 2017-2022). The authors demonstrate the discrepancy between the denotative content of the word under study and its textual realization and establish a relationship between the metaphorical image of gendarme and the sociopolitical change taking place in the country. Thus, in the lexicographic sources of the 19th century, the

© Чудинов А. П., Сегал Н. А., 2023

lexeme gendarme possesses no connotative features and is defined primarily as a “mounted warrior of the police”, or as a “member of the political police”. It is the affiliation of gendarmes to the political police, and hence the proximity to the tsarist government, that leads to the creation of a sharply negative image of gendarme after the October Revolution of 1917: the newspaper texts of a century ago from the corpus form the image of a traitor opposed to the people, a cruel and unprincipled person who does not deserve respect and trust. The study characterizes the word-formation potential of the word “gendarme” and reveals the specificity of the realization of the occasional units formed from it in media texts. The article describes the combinability of the language unit when it is used in media texts. The authors argue that there is certain dependence of the word under study on the context. The wide word-formation potential and the combinability in the realization of the language unit under consideration indicate its significant place not only in the media space, but also in the linguistic consciousness of the native speakers of the Russian linguoculture.

KEYWORDS: *metaphorical images, linguistic units, occasionalisms, gendarmes, Russian language, political discourse, journalism, media linguistics, media discourse, media texts, mass media, mass media language, language means, political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, cognitive linguistics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Chudinov Anatoliy Prokop'evich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Segal Natal'ya Aleksandrovna., Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Russian, Slavic and General Linguistics of the Institute of Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Science Foundation Grant № 22-28-00064 “Theory and Methods of Metaphorical Modeling of the Image of Police in the Electronic Media of Russia, Ukraine, and Belarus: Axiology, Evolution, Situational Dynamics, and Pragmatics”.*

FOR CITATION: *Chudinov A. P., Segal N. A. (2023). The Metaphorical Image of Gendarme as a Mirror of Sociopolitical Change (Based on Media Texts). In *Political Linguistics*. No 3 (99), pp. 23-30. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Современное медиапространство характеризуется широким использованием метафор и иных образных средств, лежащих в основе моделирования мировосприятия массового читателя. Характеризуя тексты СМИ, Г. Н. Манаенко утверждает, что информация, которая кодируется в актуальной публицистике, — это «знание и его оценка, основанная на выражении эмоций и использовании образных средств, которые в комплексе предстают как актуальные, т. к. в дискурсе масс-медиа освещаются события и доминируют темы злободневные для определенного социума в определенный момент его существования и реализованные в координатах *Здесь и Сейчас* с опорой на оппозицию *Мы — Другие*» [Манаенко 2016: 73]. Таким образом, арсенал языковых средств, соответствующих картине мира и системе ценностей массового читателя, имеет в медиатекстах ключевое значение. Особенно показательным данный тезис является при исследовании политических медиатекстов, что обусловлено их манипулятивной функцией и прагматической установкой автора (политика или журналиста). **Актуальность** данного исследования обусловлена тем, что в медиатекстах метафоры аккумулируют новые коннотативные смыслы, тем самым расширяя возможности своей реализации и транслируя в язык политики реалии, характерные для других сфер (работы Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюновой, А. Н. Баранова, А. В. Будаева, О. И. Воробьевой, М. Б. Ворошиловой, В. Г. Гака, И. Р. Гальперина, В. З. Де-

мянкова, Е. В. Дзюбы, Т. Г. Добросклонской, Е. А. Земской, И. М. Кобозевой, Н. Б. Руженцевой, Т. Г. Скребцовой, А. П. Чудинова и др.).

Исследователи справедливо подчеркивают, что «метафора обладает исторической динамикой, которая отображает „дух времени“ и ментальности. История меняется, одни политические события сменяют другие, а значит, и политическая метафора должна отражать различные социальные изменения» [Будаев, Чудинов 2006: 12–13]. Данный тезис определяет ценность и значимость исследования метафорических образов, имеющих глубокую историю и национальную специфику. **Целью** предлагаемой статьи является комплексное изучение метафорического образа **жандарма** в русскоязычном медиадискурсе. **Материалом** исследования послужили фрагменты текстов газет и журналов за период 1917–1923 гг. и 2017–2023 гг. печатного и электронного характера, собранные методом сплошной выборки.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате исследования:

– проанализированы этимологические особенности и специфика развития слова **жандарм** в диахроническом и синхроническом аспектах, определена зависимость словарного значения исследуемой языковой единицы от историко-культурного контекста;

– выявлен корпус языковых фактов, включающих лексему **жандарм** на уровне вторичной номинации, установлено контекстуальное значение данного слова и семантико-прагматические особенности его реализации

в текстах СМИ 1917–1923 гг. и в актуальном медиапространстве;

– охарактеризованы ключевые метафорические образы, формируемые посредством языковой единицы **жандарм**, описан коннотативный потенциал моделируемых на ее основе контекстов, доказана значимость исследуемого образа в языковом сознании носителей русской лингвокультуры и его важная роль при отражении постреволюционных и современных социополитических реалий.

ОБСУЖДЕНИЕ

При описании доминантных семантических признаков слова **жандарм** на различных этапах его развития необходимо обратиться к данным лексикографических источников. Интерес к лексикографическому анализу исследуемой языковой единицы обусловлен прежде всего спецификой ее семантической структуры, включающей образную и ценностную составляющие и глубоко связанной с историей развития общества и государства. Таким образом, слово **жандарм** предполагает изучение не только в собственно лингвистическом, но и в лингвокультурологическом аспекте с учетом изменения его семантики на различных исторических этапах.

По справедливому утверждению В. В. Виноградова, «вся картина изменений значений и оттенков значений слова может быть воссоздана только при полном воспроизведении исторически сменяющихся или изменяющихся систем языка» [Виноградов 1995: 10]. Развивая данную мысль, Ж. Вандриес подчеркивал, что задачей этимологии является установление «послужных списков слов, выяснение, откуда каждое из них пришло в данный язык, как оно образовалось и через какие изменения прошло» [Цит. по: Виноградов 1995: 11]. Так, анализ этимологических источников позволяет сделать вывод, что слово **жандарм** является заимствованием, пришедшим в русский язык в XVIII в. из Западной Европы. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера указывается, что слово пришло «через нем. *Gendarm* или непосредственно из франц. *gendarme*» [Фасмер 1986]. Дополняя данные суждения, Н. М. Шанский приходит к выводу, что во французском языке слово *gendarme* представляло собой «сращение словосочетания *gent d'armes* «вооруженные люди» (*gent* «люди» < лат. *gens*, род. п. *gentis* «народ», *genus* «происхождение, народ», *armes* — мн. ч. от *arme* < лат. *Arma* «оружие»)» [Школьный этимологический словарь русского языка 2004].

Лексикографический анализ, проведенный с опорой на толковые словари различ-

ных временных эпох, позволяет сделать вывод, что при кажущемся единстве номинативной функции слова **жандарм** его содержание и объем исторически изменялись. Так, в «Словаре живого великорусского языка» Владимира Даля круг значений лексемы **жандарм** обрисован следующим образом: «м. франц. конный воин военной полиции, на особых правах, с двойным окладом» [Даль В. И.]. Бесспорным является тот факт, что денотативное содержание слова **жандарм** напрямую зависело от двух экстралингвистических составляющих: национально-культурной специфики задач, возлагаемых на жандармов в России, и исторического этапа (до или после Октябрьской революции 1917 года), обуславливающего различия в отношении к следам царской России. Историк К. Душенко справедливо указывал на разницу значения слова **жандарм** в русском и западноевропейских языках, доказывая свои утверждения историческими фактами. В статье «От жандарма Европы к мировому полицейскому» исследователь обращает внимание на следующие немаловажные особенности становления профессии **жандарма**: «Национальная жандармерия, созданная революционным правительством Франции в 1791 г., а затем и в ряде других стран Европы, выполняла функции военизированной мобильной (обычно конной) полиции. В России Корпус жандармов появился в 1827 г., вскоре после выступления декабристов. И хотя он также выполнял ряд задач гражданской полиции, его основным назначением стало „обнаружение и исследование государственных преступлений“. Соответственно, в Европе „жандарм“ — прежде всего вооруженный блюститель порядка, в России же — функционер политической полиции» [Душенко 2021: 141].

После Октябрьской революции 1917 г. происходит кардинальное изменение отношения к образу и функции **жандарма**, который из функционера политической полиции, фиксатора государственных преступлений и карателя превращается в предателя, противопоставленного народу, жестокому и беспринципному личностю, не заслуживающую уважения и доверия. Данный тезис находит подтверждение в газетных статьях, опубликованных в 1918–1919 гг. Так, на смену семантическим денотативным компонентам 'воин', 'защитник', 'привилегированный' приходят коннотативные компоненты 'трус', 'предатель', 'лицемер'. **Жандармы** ассоциируются со свергнутым царским правительством и характеризуются как агенты бывшей царской власти, не заслуживающие доверия: «Коммунисты-интернационалисты понимают,

что религия — это яд, которым господствующие классы одурачивают народ, это небесное представление земных отношений, и стыдно должно быть коммунисту входить в какие бы то ни было сношения с попом, который *является, так же, как и жандармы, агентами бывшего царского правительства*» (Коммуна, 01 марта (16 февраля) 1919 г.). В постреволюционной Советской России жандармы становятся символом неоправданной жестокости, препоной для развития нового свободного государства: «Ораторы в резких выражениях критиковали политику советской власти, клонящуюся к тому, чтобы окончательно задушить свободное печатное слово. Журналист Рогачев, работающий в большевистской „Новой петроградской газете“, *назвал гонителей печати жандармами*» (Вечернее слово, 03 июня (21 мая) 1918 г.). В газетных статьях, опубликованных после 1917 г., очевидным представляется неприятие *жандармами* нового государства и безусловное негативное отношение новой России ко вчерашним функционерам политической полиции: «Рецепт приготовления фальсифицированного большевика прост. Берется один *жандарм*. Его отвращение к новому строю начинается хорошей порцией брошюрной литературы, добавляется доза недовольства и внушается та мысль, что если свергнуть новое правительство и восстановить былое самодержавие, то для него снова будет тишь, гладь и Божья благодать» (Трудовая копейка, 22 (09) августа 1917 г.).

Новое государственное устройство, пришедшее на смену царской России, отказалось от услуг *жандармов*, и в лексикографических источниках постреволюционного времени языковая единица *жандарм* апеллирует не к современным реалиям, а к событиям прошлого. Изменение семантики слова наблюдается уже в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, изданном в 1940 г. Важно подчеркнуть, что это единственный толковый словарь русского языка, где, кроме указания на специфику происхождения (французский язык), первичное денотативное значение «Полицейский чин, состоящий на службе в жандармерии», а также исторические особенности бытования (дореволюционное и заграничное), выделяется переносное значение слова, связанное с восприятием профессии *жандарма* в постреволюционной России: «Лицо, охраняющее реакционные устои, занимающееся политическим сыском (книжн., публиц.)» [Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова 1940]. В более поздних лексикографических источниках данное значение не фиксирует-

ся. Так, в «Словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова в усеченной интерпретации сохраняется первое значение слова «жандарм», зафиксированное в словаре под ред. Д. Н. Ушакова: «Человек, служащий в жандармерии», при этом в зоне иллюстрации фиксируется конструкция «жандарм в юбке» и приводится следующая ее интерпретация: «об очень строгой, привыкшей всеми командовать женщине; разг. шутол.» [Словарь русского языка под ред. С. И. Ожегова 1973]. Более поздние лексикографические источники («Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, «Словарь современного русского литературного языка» под ред. Н. Г. Герасимовой, М. В. Медведева, «Толковый он-лайн словарь русского языка» под ред. Т. Ф. Ефремовой) *жандарм* определяют как «Лицо, состоящее на службе в жандармерии» [Ефремова 2000; МАС 1984, т. 4; БАС 1963, т. 3]. Таким образом, лексикографический анализ слова *жандарм* позволяет говорить об отсутствии коннотативных признаков и переносных значений (кроме «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова) и нейтральном отношении к представителям данной профессии в обществе.

Современные социополитические реалии обуславливают «возвращение» в медийное поле языковой единицы *жандарм* на уровне вторичной номинации, значение которой моделируется на основе не денотативных, а коннотативных семантических признаков. Так, обращает на себя внимание тот факт, что в текстах политических СМИ *жандармом* являются не обыватели, связанные с определенным видом деятельности, а ключевые фигуры современной политики, в частности, главы государств или военно-политических организаций: «Кадыров о Байдене: „*жандарм*, преступник, авторитарный самоуправец и властолюбивый деспот“» (<https://www.kp.ru/daily/27378.5/4560209/>, 18.03.2022).

Не менее частотными являются контексты, где *жандармами* выступают метонимизированные образы государств, в частности США: «США — *экономический жандарм* колонии под названием Европа» (Media news, 13.05.2019); «Франция продолжает бунтовать против заокеанского сюзерена. *США не имеют права быть экономическим жандармом планеты*, — заявил министр экономики и финансов Франции Брюно Ле Мэр» (<https://antifashist.com>, 17.05.2019).

Подчеркнем, что при реализации в актуальных медиатекстах на уровне вторичной номинации в свободных сочетаниях языковая единица *жандарм* имеет закрепленную негативную коннотацию, однако эксплицирует негативные коннотативные компоненты,

не тождественные тем, которые фиксировались в газетных текстах вековой давности. Так, в современном медийном пространстве, как показывают приведенные выше контексты, эксплицируются семантические компоненты ‘чрезмерная власть’, ‘жестокость’, ‘манипулирование’.

Высокую степень адаптации языковой единицы **жандарм** на уровне вторичной номинации подтверждает ее широкий словообразовательный потенциал, реализованный в актуальном медиапространстве. Наряду с зафиксированными в словообразовательных словарях производными **жандармский** и **жандармерия** в контекстах фиксируются окказиональные единицы **жандармик**, **недожандарм**, **сверхжандарм**, **квазижандарм**, **супержандарм**, **минижандарм**, **мегажандарм** и другие. Обратимся к анализу наиболее ярких языковых фактов.

Языковая единица **жандармик** образована морфологическим способом с помощью суффикса -ик, зафиксированном в «Толковом словаре русского языка» под ред. Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000]. В лексикографическом источнике представлено 12 значений суффикса -ик, образующего имена существительные, однако ни одно из этих значений не соотносится с тем, которое привносит аффикс, реализуясь в окказиональной лексеме **жандармик**. В контекстах сохраняется значение «уменьшительности», закрепленное в отдельных словарных интерпретациях суффикса, однако добавляется значение «пренебрежительности», при этом слово **жандармик** приобретает закрепленную негативную коннотацию: «Британия не совсем адекватно оценивает свою геополитическую роль, а потому притязания на роль мирового „жандармика“ (помощника «главного жандарма») выглядят неуместными» (<https://radiosputnik.ria.ru/20210730/kitay-1743645498.html>, 30.07.2021). В контексте под **жандармиком** понимается несамостоятельный политический субъект, который не способен принимать решения и полностью зависит от «главного жандарма», наделенного неограниченной властью.

Наиболее частотной окказиональной единицей, образованной префиксальным способом, является субстантив **супержандарм**, реализуемый в контекстах в двух ключевых значениях:

1. Блюстители закона, обладающие недостижимо высокими профессиональными умениями и навыками: «GIGN: французский ответ терроризму: **Супержандармы** имеют возможность вести стрельбу из различных видов пистолетов, таких как австрийские Glock 17, Glock 19 и Glock 26, прозванный

„Бэйби Глок“ за свои размеры» (https://specnaz.org/articles/foreign/?ELEMENT_ID=6949, 16.02.2022).

2. Финансовые и/или политические организации, осуществляющие надзор за всем и всеми, что входит в зону их полномочий: «Финансовый **супержандарм** „семерки“: „Большая семерка“ готовится значительно усилить свой орган под названием „Группа финансовых действий против отмывания капитала“ (ФАТФ) и включить в сферу его деятельности борьбу с использованием грязных денег для террористических целей» (Новые известия, 22.04.2019).

Важным представляется тот факт, что конфликтность современного мира, моделирование положительного и всесильного образа «своего» и дискредитация, упрощение образа «чужого» приводят к тому, что **супержандарм** может утратить свою силу и власть, столкнуться с появлением угрозы, с которой не сможет справиться: «У суперджинна будут супер-оковы. **Супержандарма** за углом будет поджидать супербандит с суперножиком. Так что американцам пора это понять и о душе подумать» (<https://radio.sputnik.ria.ru>, 12.01.2023).

Широкий коннотативный потенциал в текстах современных СМИ имеет устойчивая конструкция **мировой жандарм**. В своем первичном значении словосочетание **мировой жандарм** традиционно номинировало великие державы. Доказывая необходимость существования **мировых жандармов**, американский священник Адольф Берл говорил: «„Страны по-прежнему будут вынуждены поддерживать порядок в мире (*to police the world*), чтобы предотвратить международную преступность, подобно тому, как местные полицейские силы защищают жизнь и имущество граждан“ (проповедь по случаю годовщины Почётной артиллерийской роты Массачусетса 1 июня 1896 г.)» [цит. по: Душенко 2021: 147]. Этот тезис можно считать вполне справедливым и при моделировании образа **мирового жандарма** в актуальном медиапространстве. Современные СМИ весьма охотно фиксируют данную конструкцию на уровне вторичной номинации, при этом особенности ее коннотации напрямую зависят от прагматических установок автора-журналиста и описываемых социополитических фактов. Отмечая злоупотребление властью со стороны определенных государств, попытку моделирования однополярного мира и агрессивную риторику по отношению к конкурентам, журналисты и политики называют их и их лидеров **мировыми жандармами**, наделяя широким спектром негативных характеристик. Так, при реализации дан-

ного образа в актуальном медиапространстве эксплицируются семантические компоненты 'чрезмерная власть', 'контроль', 'агрессия', 'манипулирование': «Путин заявил, что **никакой „мировой жандарм“ не остановит страны с независимой политикой**. Президент также отметил, что „воровство чужих активов до добра никого не доводило“» (<https://www.kp.ru/online/news/>, 26.05.2022); «„Китай решительно выступает против вмешательства во внутренние дела других государств под предлогом соблюдения прав человека. **США** не имеют права накладывать санкции на другие страны по своему усмотрению и **не имеют права играть роль мирового жандарма**“, — официальный представитель МИД КНР Мао Нин» (<https://lenta.ru/news/2022/12/09/zhandarm/>, 09.12.2022); «„**Мировой жандарм**“: с какой целью Байден совершил свое первое турне по Азии» (<https://news.rambler.ru/conflicts/48709159>, 24.05.2022). В современных медиатекстах подчеркивается зыбкость роли **мирового жандарма**, возможность потерять свой авторитет и уважение в связи с совершаемыми деструктивными действиями: «США: **от мирового жандарма до гопника**. США не желает тайного голосования в ООН по антироссийской резолюции, чтобы наказать тех, кто проголосует неправильно: логика „рэкета“ в действии» (<http://www.moscow-post.su>, 11.10.2022).

Многополярность и многовекторность современного мира определяют особенности моделирования позитивного образа мирового жандарма, эксплицирующего позитивно коннотируемые семантические компоненты 'защита', 'охрана', 'справедливость': «Какому миру нужен **мировой жандарм**? **Мировой жандарм** нужен, в первую очередь, для того, чтобы установить порядок и справедливость, стать на пути к мировой власти глобального сверхобщества» (<https://ria.ru/20160927>, 26.05.2021). Таким образом, конструкция **мировой жандарм** приобретает в актуальном медиапространстве двойственную коннотацию и напрямую зависит от отражаемых событий и прагматических установок автора-журналиста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексный анализ метафорического образа **жандарма** позволяет сделать вывод о его многогранности и многокомпонентности в текстах русскоязычных СМИ, проиллюстрировать специфику его текстовой реализации. Анализ лексикографических источников и медиатекстов приводит к заключению о динамике диахронического рисунка слова **жандарм**, связанной не только с интралин-

гвистическими, но и с экстралингвистическими факторами. Так, в лексикографических источниках XIX в. языковая единица **жандарм** не имеет коннотативных признаков и определяется прежде всего как «конный воин полиции», «функционер политической полиции». Именно отношение **жандармов** к политической полиции, а значит близость к царской власти, приводит к созданию резко негативного образа **жандарма** после Октябрьской революции 1917 года. Медиапортрет **жандарма**, составленный с опорой на газетные тексты 1917–1922 гг., показывает, что в корпусе газетных текстов вековой давности формируется образ предателя, противопоставленного народу, жестокой и беспринципной личности, не заслуживающей уважения и доверия.

В лексикографических источниках середины и конца XX в. практически отсутствуют коннотативные признаки и переносные значения слова **жандарм**, фиксируемые только в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, изданном в 1940 г. Интерес к образному значению слова **жандарм** возобновляется только в последнее десятилетие и находит свое отражение в актуальном медиапространстве. В современных медиатекстах языковая единица **жандарм** имеет преимущественно негативную коннотацию, однако эксплицирует негативные коннотативные компоненты, не тождественные тем, которые фиксировались в газетных текстах вековой давности. Проведенный анализ позволяет говорить об экспликации новых коннотативных признаков ('чрезмерная власть', 'жестокость', 'манипулирование'), обусловленных современными социополитическими реалиями.

Широкий словообразовательный потенциал и сочетаемостные возможности при реализации языковой единицы **жандарм** на уровне вторичной номинации, разнообразие коннотативных признаков и создаваемых образов говорит о значимом месте исследуемой единицы не только в медиапространстве, но и в языковом сознании носителей русской лингвокультуры.

СЛОВАРИ

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4 / В. И. Даль. — Москва : Русский язык, 1989. — 679 с. — Текст : непосредственный.
2. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 1 / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Рус. яз., 2000. — 1209 с. — Текст : непосредственный.
3. Земская, Е. А. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Е. А. Земская. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — 236 с.
4. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка. В 2 т. Т. 1 / А. Г. Преображенский. — Москва : [б. и.], 1959. — Текст : непосредственный.

5. Словарь русского языка XVIII века. В 16 выпусках. А—Н / под ред. Ю. С. Сорокина. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ие, 1991. — Вып. 6. — 256 с. — Текст : непосредственный.

6. Словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова. — Москва : Советская энциклопедия, 1973. — 846 с. — Текст : непосредственный.

7. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 / А. П. Евгеньева. — Москва : Русский язык, 1984. — Текст : непосредственный.

8. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 3 / под ред. Н. Г. Герасимовой, М. В. Медведова. — Ленинград : [б. и.], 1963. — 625 с. — Текст : непосредственный.

9. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. Т. 1 / А. Н. Тихонов. — Москва : Рус. яз., 1985. — 568 с. — Текст : непосредственный.

10. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. — Ленинград : [б. и.], 1940. — 611 с. — Текст : непосредственный.

11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1986. — 576 с. — Текст : непосредственный.

12. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. — Москва : Дрофа, 2004. — 398, [1] с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев, А. А. Формирование имиджа органов внутренних дел России (ретроспективный анализ) / А. А. Алексеев, Ю. В. Кирюхина. — Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2018. — № 2. — С. 51–61.

2. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, 2006. — 252 с. — Текст : непосредственный.

3. Варганова, Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики / Е. Л. Варганова. — Москва : МедиаМир, 2013. — 280 с. — (Серия: Академические монографии). — Текст : непосредственный.

4. Виноградов, В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1995. — № 1. — С. 5–37.

5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва : Наука, 1981. — 139 с. — Текст : непосредственный.

6. Дзюба, Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании / Е. В. Дзюба ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2015. — 286 с. — Текст : непосредственный.

7. Душенко, К. От жандарма Европы к мировому полицейскому / К. Душенко. — Текст : непосредственный // Россия в глобальной политике. — 2021. — Т. 19. — № 6. — С. 139–152.

8. Китайгородская, М. В. Современная политическая коммуникация / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Текст : непосредственный // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — С. 151–241.

9. Манаенко, Г. Н. Методологические и теоретические аспекты когнитивно-дискурсивных исследований языка : монография / Г. Н. Манаенко ; Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, Ставропольское отделение, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет». — Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2016. — 123 с. — Текст : непосредственный.

10. Нахимова, Е. А. Интертексты, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафоры / Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2006. — Вып. 19. — С. 185–195.

11. Руженцева, Н. Б. Гибридность как дискурсивный феномен: к вопросу о стратегическом блокировании нежелательных политических предательств / Н. Б. Руженцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления. — Екатеринбург : [б. и.], 2016. — С. 171–175.

12. Скребцова, Т. Г. Современные источники политической метафоры: три источника и три составные части / Т. Г. Скребцова. — Текст : непосредственный // Respectus Philologus. — 2004. — № 5 (10). — С. 10–15.

13. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии : монография / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 176 с. — Текст : непосредственный.

14. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 496 с. — Текст : непосредственный.

15. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацбургская. — Москва : Флинта : Наука, 2014. — 160 с. — Текст : непосредственный.

DICTIONARIES

1. Daľ, V. I. (1989). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogoazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 vols. Vol. 4]. Moscow, 679 p. (In Russ.)

2. Efremova, T. F. (2000). *Novyj slovar' russkogoazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [A new dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation. In 2 vol. Vol. 4]. Moscow: Rus. yaz., 1209 p. (In Russ.)

3. Zemskaya, E. A. (2000). *Russkijazyk konca XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the late twentieth century (1985–1995)]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 236 p. (In Russ.)

4. Preobrazhenskij, A. G. (1959). *E'timologičeskij slovar' russkogoazyka* [Etymological dictionary of the Russian language] (Vol. 1). Moscow, 1959. (In Russ.)

5. Sorokin, Yu. S. (Ed.). (1991). *Slovar' russkogoazyka XVIII veka: v 16 vy'puskax: A—N* [Dictionary of the Russian language of the XVIII century: in 16 issues: A—N] (Iss. 6). Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 256 p. (In Russ.)

6. Ozhegov, S. I. (1973). *Slovar' russkogoazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Sovetskaya e'nciklopediya, 846 p. (In Russ.)

7. Evgen'eva, A. P. (1984). *Slovar' russkogoazyka* [Dictionary of the Russian language] (In 4 vols. Vol. 4). Moscow: Izdatel'stvo «Russkijazyk». (In Russ.)

8. Gerasimova, N. G., & Medvedeva, M. V. (Ed.). (1963). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogoazyka* [Dictionary of modern Russian literary language] (In 17 volumes. Volume 3). Leningrad, 625 p. (In Russ.)

9. Tixonov, A. N. (1985). *Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogoazyka* [Word-formation dictionary of the Russian language: In two volumes] (Vol. 1). Moscow: Rus. yaz., 568 p. (In Russ.)

10. Ushakov, D. N. (1940). *Tolkovyj slovar' russkogoazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language: In four volumes] (Vol. 1). Leningrad, 611 p. (In Russ.)

11. Fasmer, M. (1986). *E'timologičeskij slovar' russkogoazyka* [Etymological dictionary of the Russian language] (In 4 vols. Vol. 1). Moscow: Progress, 576 p. (In Russ.)

12. Shanskij, N. M., & Bobrova, T. A. (2004). *Shkol'nyj e'timologičeskij slovar' russkogoazyka: proisxozhdenie slov* [School etymological dictionary of the Russian language: the origin of words]. Moscow: Drofa, 398, [1] p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Alekseyonok, A. A., & Kiryukhina, Yu. V. (2018). Formation of the Image of the Internal Affairs Bodies of Russia (Retrospective Analysis) [Formirovanie imidzha organov vnutrennikh del rossii (retrospektivnyy analiz)]. *Proceedings of the Tula State University. Humanities*, 2, 51–61. (In Russ.)

2. Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2006). *Zarubezhnaya političeskaya lingvistika. Uchebnoe posobie* [Foreign political linguistics. Study guide]. Ekaterinburg, 252 p. (In Russ.)

3. Vartanova, E. L. (2013). *Postsovetskie transformatsii rossijskikh SMI i zhurnalistiki* [Post-Soviet transformations of Russian media and journalism] (Ser.: "Akademicheskie monografii"). Moscow: MediaMir, 280 p. (In Russ.)

4. Vinogradov, V. V. (1995). Slovo i zhanenie kak predmet istoriko-leksikologičeskogo issledovaniya [Word and meaning as a subject of historical and lexicological research]. *Voprosy yazykoznanija*, 1, 5–37. (In Russ.)

5. Galperin, I. R. (1981). *Text as an Object of Linguistic Research* [Tekst kak ob'ekt lingvističeskogo issledovaniya]. Moscow: Nauka, 139 p. (In Russ.)

6. Dzyuba, E. V. (2015). *Lingvokognitivnaya kategorizaciya v russkom yazykovom soznanii* [Linguocognitive categorization in the Russian language consciousness]. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 286 p. (In Russ.)
7. Dushenko, K. (2021). Ot zhandarma Evropy k mirovomu policeiskomu [From the gendarme of Europe to the world policeman]. *Rossiya v global'noj politike*, 19(6), 139–152. (In Russ.)
8. Kitajgorodskaya, M. V., & Rozanova, N. N. (2003). Sovremennaya politicheskaya kommunikaciya [Modern political communication]. In *Sovremennyj russkij yazyk: Social'naya i funkcional'naya differenciaciya* (pp. 151–241). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
9. Manaenko, G. N. (2016). *Metodologicheskie i teoreticheskie aspekty kognitivno-diskursivnyx issledovanij yazyka* [Methodological and theoretical aspects of cognitive-discursive language research] [Monograph] (Rossijskaya asociaciya lingvistov-kognitologov, Stavropol'skoe otdelenie, FGAOU VO "Severo-Kavkazskij federal'nyj universitet"). Stavropol': Izd-vo SKFU, 123 p. (In Russ.)
10. Naximova, E. A. (2006). Intertekstemy, precedentny`e imena, tekstovy`e reminiscencii i metafory [Intertexts, precedent names, textual reminiscences and metaphors]. In *Izvestiya UrGPU. Lingvistika* (resp. ed. A. P. Chudinov), 19, 185–195. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. (In Russ.)
11. Ruzhenceva, N. B. (2016). Gibridnost` kak diskursivnyj fenomen: k voprosu o strategicheskom blokirovanii nezhelatel'nyx politicheskix predstavlenij [Hybridity as a Discursive Phenomenon: on the issue of strategic blocking of Undesirable Political Ideas]. In *Politicheskaya lingvistika* (pp. 171–175). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. (In Russ.)
12. Skrebczova, T. G. (2004). Sovremennye istochniki politicheskoy metafory: tri istochnika i tri sostavnye chasti [Modern sources of political metaphor: three sources and three components]. *Respectus Philologicus*, 5(10), 10–15. (In Russ.)
13. Chudinov, A. P. (2013). *Ocherki po sovremennoj politicheskoy metaforologii* [Essays on Modern Political Metaphorology] [Monograph]. Ekaterinburg, 176 p. (In Russ.)
14. Shmelev, A. D. (2002). *Russian Language and Extralinguistic Reality* [Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost']. Moscow: Languages of Slavic culture, 496 p. (In Russ.)
15. Petrova, N. E., & Raciburskaya, L. V. (2014). *Yazyk sovremennyx SMI: sredstva rechevoj agressii* [The language of modern media: means of speech aggression] [Teaching manual]. Moscow: Flinta: Nauka, 160 p. (In Russ.)